УДК 811.161.1’373.43

АГЕНТИВЫ В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ

© 2017 г.

З.И. Минеева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

zmineeva@rambler.ru

Поступила в редакцию 21.04.2017

Рассматриваются неодериваты, называющие человека (агентивы), которые используются в языковой (словообразовательной) игре. Материал исследования включает данные словарей новых слов 1971–2014 гг., Национального корпуса русского языка, медийные тексты. В результате семантико-словообразовательного анализа неологизмов выделяется корпус единиц, прагматика которых связана с языковой игрой. Выявляются способы словообразования и деривационные модели, в соответствии с которыми образованы вовлеченные в игру агентивы. Определяются разновидности языковой игры. Делается вывод о глубинной связи современной языковой игры с загадкой.

Ключевые слова: агентив, неологизм, языковая игра, способ деривации, прагматика, Национальный корпус русского языка.

Введение

Дериваты со всевозрастающей активностью используются носителями и творцами языка в игровой функции. Современный человек – homo ludens. Человек играющий использует разнообразные ресурсы, в том числе словообразовательные, для интеллектуальной игры с производным словом.

Внимание к «языковым играм» привлекли идеи философии Л. Витгенштейна [1, 2]. Игровой феномен слова достаточно хорошо изучен, тем не менее в течение последних десятилетий языковая игра (ЯИ) продолжает оставаться предметом современных исследований, расширяющих наше представление о формах ее выражения [3–7]. Разработка теории языковой (словообразовательной) игры производилась на материале разговорной речи [3], детской речи [8], произведений художественной литературы [9, 10]; рубеж XX–XXI вв. ознаменовался привлечением текстов СМИ, поскольку медийные средства аккумулируют наиболее актуальные явления в динамике современного русского языка [11–13], рекламы [7, 14], сайтов Рунета [15]. Ученые называют распространение ЯИ в СМИ в XX–XXI вв. «принципиально новым явлением для русского языка» [7, с. 125] и отмечают, что ЯИ способствует «деавтоматизации и экспрессивизации текста» [6, с. 123].

Исследование ЯИ в социолингвистическом аспекте, в связи с социальной и функциональной дифференциацией современного языка, привело Л.П. Крысина к выводу, что «игра со словом и в слово – характерная черта речевого поведения представителей интеллигенции, отличающая их от носителей языка из иных социальных слоев, и тем самым важная в качестве одного из штрихов в социально-речевом портрете интеллигента» [16, с. 495].

Игровая функция реализуется при использовании языка «в целях шутки, с установкой на творчество», и это «есть высшая стадия владения языком», позволяющая создавать окказионализмы четырех видов: а) при нарушении продуктивных типов, б) при использовании непродуктивных типов, в) по конкретным образцам и г) специфическим окказиональным типам [3, с. 183–184].

ЯИ связывается с разного рода нарушениями норм и правил [4, с. 23], с проявлением лингвокреативной деятельности «при нарушении канона» [17, с. 26].

ЯИ направлена на «создание остроумных … высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности» [5, с. 62].

При языковой игре происходит сознательное нарушение автором нормативных параметров словообразовательной модели. Понимание словообразовательной игры как «сознательного эксперимента с установкой на творчество» позволяет увидеть в ней особое качество «наиболее репрезентативной разновидности ЯИ для всех функциональных стилей» [7, с. 28–32].

Генезис современной игры со словом видится в глубинной связи с загадкой. *Загадка* – 1 ‘краткое иносказательное описание какого-л. предмета или явления, которые нужно узнать, разгадать. Суть загадки состоит в неожиданном решении задачи’; 2 ‘вопрос, задача, требующие решения или разъяснения’ [18, с. 108].

Разновидности словообразовательной игры с агентивами

В данной работе рассмотрение ЯИ с производными агентивами основывается на понимании ЯИ как такого феномена, который предполагает нарушение автоматизма восприятия слова в тексте и привлечение внимания к нестандартному употреблению слова как результату лингвокреативности автора. ЯИ возможна лишь при условии, что носители языка (автор и реципиент) обладают знаниями морфемики, владеют механизмом использования словообразовательной системы современного русского языка, проявляют творческую активность и склонность к интеллектуальной деятельности. Отступление от стандарта включает структурный и семантический компоненты: нарушение формальной сочетаемости морфем при словообразовании и нарушение сложившейся связи «означающее – означаемое».

ЯИ в аффиксальной деривации агентивов основана на привлечении новых для агентивов формантов (*нью-, бес-*), расширении возможностей существующих моделей (с *экс-, со-… -ник, -тель* и др.), на использовании декорреляции, неоднократном употреблении дериватов, созданных по одной модели, а также разномодельных дериватов одной ономасиологической группы.

Префиксация. Новый префикс *нью-* и синонимичный *нео-* служат формантами в образовании шутливо-ироничных номинаций актёра Жерара Депардье, получившего гражданство РФ: *ньюроссиянин* и *неороссиянин*; новый префикс *бес-* используется в шутливом агентиве *бессердечник* от *сердечник*, больной человек, при этом в игру вовлечено прилагательное *бессердечный*. Префикс *экс-* вопреки ограничениям деривационной модели образует экспрессивную негативно-оценочную номинацию Г. Саакашвили в случае присоединения к этнониму *грузин*, семантика которого не допускает временного ограничения:

Киев дарит эксклюзив,
в нем намек великий виден:
легендарный ***экс-грузин****,*
в смысле экс-грузинский лидер,
крепок, тверд, многоречив
(ибо должность стоит мессы),
стал, гражданство получив,
губернатором Одессы [Д. Быков].

В результате орфографической ошибки префикс *экс-* выделяется в окказиональном дериватe *экскусствовед*. Режиссер А. Рогожкин вспоминает, как его специальность *историк-искусствовед* в военном билете записали как *историк-экскусствовед*: «Я расшифровал это так: бывший историк, специалист по кустам» [Невское время. 2015.18.07].

Префиксально-суффиксальная деривация. Прагматика игры заметна в префиксально-суффиксальных образованиях: дериват *сопостельщик* образован с помощью конфикса *со-.. -ник* при нарушении морфотактики, мотиват *постель* противоречит условиям модели, допускающей только названия общностей людей, такие как *класс*, *группа* и т.п. [19]; *ньютухляндцы* содержит новый префикс и окказиональный мотиват *Тухляндия* [20] и др.

Суффиксальная деривация. Игровой феномен проявляется при употреблении одного, двух и более дериватов. При этом используются единицы одной ономасиологической группы: а) в выступлении С. Бэлзы – шутливо-ироничные суффиксальные окказионализмы, называющие поклонниц выдающихся певцов: *козловитянки* (И. Козловского) и *лемешистки* (С. Лемешева) [Телеканал Культура. 2015.06.06]; б) в медийном тексте – владельцев автомобилей (это явление последних десятилетий), мотиватами которых являются марки автомобилей: *реношники* («Рено»), *пежошники* («Пежо») и *ниссановцы* («Ниссан») [21, с. 1158].

Игровой эффект возникает при использовании пяти неодериватов с самым продуктивным суффиксом агентивов *-шст* Лео Бокерией в интервью тележурналисту: *я все это перепробовал… я был* ***винистом****,* ***шампанистом****,* ***коньякистом****…/я только не был* ***водкистом*** *и* ***пивистом*** [Телеканал НТВ. 2016.31.01]. В результате декорреляции мотиват слова *шампанист* ‘специалист по производству шампанских вин’ [22], как другие однородные предикаты, включает компонент ‘любитель’ ‘потребитель’. Контекстуальная мотивация поддерживается глаголом *перепробовал*.

Формант *-ант* участвует в образовании агентивов *номинант* и *награждант* (Комсомольская правда. 2007) [23], *-тель* – в *ходители* и *рожатели*: ***ходители*** *по снегу босиком,* ***рожатели*** *в воде* [20]. Окказиональность деривационной модели созвучна особенностям референта: обычно люди не ходят босиком по снегу и не рожают в воде.

Ряды окказиональных единиц способствуют выражению шутки, иронии, насмешки – игра с моделью словообразования способствует выражению комического эффекта.

Ряды неодериватов, созданных по одной модели, используются как в публицистике, так и в текстах художественной литературы; данное явление определяется как «обнажение деривационных связей в тексте» [9, с. 80].

Дополнительным способом оформления деривата, вовлеченного в языковую игру, выступает **квотация**. Слово, заключенное в кавычки,

привлекает внимание читателя: *Ловкие «**парашютисты**»* /заголовок/ [Аргументы и факты. 2015.16–22.12]. Кавычки являются сигналом того, что читатель должен решить задачу, разгадать загадку декорреляции, обнаружить мотиват, которым является не предметное существительное спортивной сферы *парашют*, а словосочетание *золотые парашюты* ‘бонусы, дополнительные выплаты, которые получают топ-менеджеры’. С.В. Ильясова выделяет квотацию, или закавычивание части слова, в качестве приема графической игры [7, с. 88]. Заключение в кавычки целого слова также используется для игры с дериватами.

Игра с коррелятами. Исторически не имевшие коррелятивной пары агентивы в современном тексте, употребляясь в переносном метафорическом значении, могут составлять соотносительные пары: *опричник – опричница* (*Два холодноглазых молодца и женщины в кимоно выдворили Цурюкова, тот кричал, что происходит обман и крушение иллюзий, и просил освободить его из лап **опричников** и **опричниц*** [23, с. 58]). Аналогично неологизм 2012 г. *креакл* (креативный класс), по данным интернет-источников, самоназвание представителей несистемной оппозиции, используется К. Собчак в паре с суффиксальным феминитивом: *Дорогие мои **креаклы** и **креаклицы** /Добро пожаловать в новую реальность* [Телеканал Дождь. 2016.17.01].

Возможности словообразовательного типа реализуются при образовании коррелятов мужского и женского рода от девербатива *перестройка*: *Позвонил мне недавно один знакомый литератор-публицист и предложил выступить с серией разоблачительных материалов о разных чиновниках от культуры эпохи застоя, которые сегодня, значит, спрятали свой звериный оскал под розовыми масками **перестройщиков** и **перестройщиц*** (Макаревич А. Все очень просто (1990) [24].

В качестве приема ЯИ может привлекаться **аллюзия к прецедентным текстам**. Актуальная информация о проблемах мигрантов в Европе, пешком преодолевающих путь из Франции в Англию, привлекает внимание аллюзией к названию известного произведения: ***Бегущие** по евротоннелю* /заголовок/ [Собеседник. 2015.5–11.08]. Аллюзии к текстам, известным пишущему и читающему, сопровождают непринужденное неофициальное общение и часто встречаются в эпистолярных текстах. Ю.М. Лотман любил в письмах к друзьям играть со словом; нередко используемые им компаративные конструкции содержали упоминание *льва* (*бился, как лев*), *собаки* (*собака в квадрате* при описании крайней усталости); одно из предикатных употреблений содержит *бобр*: «*Вообще я стал злой, как собака, хотя от природы **бобр***» [25, с. 313]. В последнем случае имеет место аллюзия к известному университетскому анекдоту о том, как студент, отвечая на экзамене по чужой шпаргалке, вместо «*человек от природы добр*» неверно прочитал «*человек от природы бобр*», несуразица стала предметом шуток. Наблюдается аллюзия к поэтическим текстам: *Если **порнозвезды** зажигают…* (Московский комсомолец. 2014.20–27.03) [24]; названиям популярных фильмов: ***Старики-работники*** /заголовок/; *За возрастную дискриминацию накажут рублем* [Российская газета. Неделя. 2013.7.03]; ***Посторонним** вход разрешен* /заголовок/; *В Гатчинском музее откроют четыре новых зала* [Российская газета. Неделя. 2014.9.10].

В медийной сфере нередки аллюзии к паремиям. В предтексте [26, с. 178] полностью или частично воспроизводится паремия, семантический дериват (модель: артефакт → человек): *… поездки с женами* (в Амстердам. – *З.М.*) *поощряются – никто не скажет вам, что вы приехали со своим **самоваром**. Напротив, вашему **самовару** все будут только рады* [GQ.2006.№5]. Упоминания прецедентного текста может не быть: *Спасение **отдыхающтх*** /заголовок/; *Утверждены правила возмещения ущерба туристам* [Российская газета. Неделя. 2016.22–28.09].

ЯИ допускает замену компонента паремии: *человек человеку волк → человек человеку акула* в названии публикации Г. Ситковского «Человек человеку – ***акула***» (Труд-7. 2010.03.30) [24].

Полисемическая и омонимическая аттракция. Игровой эффект достигается при образовании неодерината, омонимичного узуальной лексической единице. Неодериват, как правило, носит окказиональный характер. Омонимичные дериваты образуются аффиксальными способами: а) префиксальным, б) префиксально-суффиксальным, в) суффиксальным; г) сложением; операциональными способами: д) семантической деривацией, е) усечением и ж) субстантивацией.

Префиксация. Игровая функция, сопряженная с экспрессивизацией текста, реализуется при привлечении внимания читателя к «разгадыванию» внутренней формы слова: ***Суперстар*** /заголовок/ *Писатель Андре Моруа – об искусстве старения* [Российская газета. Неделя. 2016.3–10.03]. Контекст с существительным *старение* необходим для того, чтобы показать, что перед читателем не транслитерация английского *superstar*, а омоним *суперстар* с иноязычным префиксом *супер-*, присоединенным к основе исконного мотивата.

Префиксально-суффиксальным способом образованы: *подберезовик* ‘сторонник А. Бере-

зовского’ при узуальном *подберезовик* ‘гриб’; *позвоночные* (разг.) (принять на работу по телефонному звонку) [27] с одновременной субстантивацией. Игра с переосмыслением внутренней формы слова при повторном использовании префиксально-суффиксальной модели: *Подорожник* ‘растение’, *подорожник* ‘попутчик, кому по дороге с кем-л’.: *Удобное приложение для поиска попутчиков* ***«Подорожник»*** *придумал украинец Алексей Лазоренко* [газета РБК. 2014.7.11].

Суффиксацией образованы: *садист* ‘владелец сада’ [28] наряду с *садист* ‘склонный к садизму’. Наблюдается совпадение агентива, образованного при повторном использовании деривационной модели, с уже существующим неодушевленным существительным: *кивок* (разг.) ‘народный заседатель, во всем соглашающийся с судьей’ (кивать в знак согласия) [29]. Совпадение формы узуального и окказионального слов при различных мотиватах приводит к эффекту обманутого ожидания: *стрелочник* (ж/д рабочий, регулирующий движение составов с помощью стрелки) и *стрелочник* (‘обладатель приза «Золотая стрелка»’ в международном конкурсе в Женеве): *Машинисты и* ***стрелочники*** /заголовок/ [GQ. 2008.№5, с. 132], *машинисты* – часовщики, использующие сложные машины, механизмы в своих изделиях. В ситуации речевого общения может происходить сталкивание двух омонимичных дериватов: *прокатчик* (прокатный цех; прокатка металла) и *прокатчик* (предоставление ч.-л. во временное пользование за плату) [22, с. 1012]. Герой романа В. Орлова «Аптекарь» возвращается из проката с пылесосом: – *Ба! Да он с покупкой! – обрадовался финансист Моховский. – Я взял в прокате, – смутился Михаил Никифорович. – Он от* ***прокатчиков****! – рассмеялся Моховский, но тут же и утих. И все отчего-то замолчали. – Они* ***не прокатчики****, – с досадой произнёс Филимон Грачёв. –* ***Прокатчики*** *– другие, специалисты чёрной металлургии…* [23, с. 38]. Пресуппозиция приведенного диалога состоит в неравной ценности, значимости двух номинаций для говорящих: более низким статусом обладают те, кто выдает вещи напрокат.

Сложением образованы: *утконос* ‘кто распространяет ложную информацию в СМИ’ (утка ‘ложный сенсационный слух’) [30]; *самоед* (самому съесть выращенное) [19]; *евроскептик* ‘человек, относящийся скептически к евроинтеграции, развитию Евросоюза’ и *евроскептик* ‘человек, скептически относящийся к *евро* и больше доверяющий доллару’: *Тихонов Алексей. Русские народные* ***евроскептики****. Россияне не собираются изменять доллару с европейской валютой* (Известия. 2003.02.13) [24].

Для достижения игрового эффекта может использоваться наличие у зоотропа полисемии: узуальное употребление лексемы *крыса* связано с экспликацией общей негативной оценки говорящего, а также нейтральной безоценочной семантики, связанной с номинацией человека по году его рождения: *Этот год – год Крысы, между прочим. – Пожелание такое: люди, не будьте* ***крысой*** *в этом году! Не крысятничайте, в общем, и делитесь с ближним!* [Собеседник. 2007. № 47, с. 21]. В данном случае наблюдается совмещение метафорического и метонимического значений. Значение диффузно, но апелляция к жаргону с помощью глагола *крысятничать* позволяет усмотреть в зоотропе *крыса* не только значение ‘человек, вызывающий неприязнь’ (в просторечии) [31, с. 719] или ‘крайне негативно о человеке, чаще о женщине – ‘злой, малосимпатичной, неприятной, агрессивной’ – разг.-сниж. презр. (бран.) [32], но и социально маркированное: ‘тот, кто ворует у своих’ [33, с. 96].

Возникновение омонимов при образовании усечения: *негражданин – негр* (разг. пренебр.) [20].

Субстантивацией причастия образованы: *клубящиеся* (разг. ирон.) ‘завсегдатаи клубов’ [20]; ***Отмороженные*** /заголовок публикации о зимней одежде/ [GQ. 2008.№12] (деметафоризация) при жаргонном субстантивате, образованном на основе метафорической мотивации.

Обыгрываться могут слова, относящиеся к разным частям речи: существительное *голубой* ‘гомосексуалист’ и прилагательное в словосочетании *голубые береты* используются в заголовке, обозначая противопоставление двух групп людей: ***Голубые береты*** *потеснили просто* ***голубых*** [Собеседник. 2015.5–11.08].

Деривационная когезия (лат. *cohaesus* ‘связанный, сцепленный’) часто создает тот когнитивный фон, на котором происходит рождение игровой единицы: ***Гей-парад*** *на Тверской* /заголовок/ *Ни уговоры мэров Парижа и Берлина, ни обещания местных организаторов, что всё будет скромно и со вкусом, не сломили мэрии Москвы:* ***гей-славянам*** *не след смущать народ* [Собеседник. 2015.5–11.08].

Использование олбанского языка. Новая номинация лица возникает в реплике, служащей ответом на попытку создать дефиницию особого жанра, в котором работает писатель: – *Вы сочиняете в жанре* ***ретродетектива****… – Только моё глубокое уважение к вам, как к представителю прессы, не позволяет отказаться от чести* ***«ретро-аффтара»*** [Невское время. 2014.19.08]. Кооперативность интервьюируемого, которым является Антон Чиж, в том, что ответной номинацией писатель показывает, что

он услышал и понял то, что ему сказали, и не согласен с определением жанра создаваемых им произведений, свое несогласие выражает в шутливой форме, чтобы не обидеть журналиста. Сферами распространения ЯИ выступают разговорная речь, произведения художественной литературы и СМИ.

Выводы

ЯИ является естественным проявлением лингвокреативности носителей языка, реализующих способность не только воспроизводить готовые единицы, но и создавать новые на основе глубокого постижения языковой системы и нормы. ЯИ – результат самореализации лингвокреативной личности.

В языковую игру вовлечены неодериваты, образованные аффиксальными способами (префиксальным, префиксально-суффиксальным, суффиксальным), сложением, субстантивацией, усечением, семантической деривацией.

При языковой игре с неодериватами активно используются: декорреляция, позволяющая «задать загадку» реципиенту и обнаружить актуальный для данного текста мотиват; аллюзия к прецедентным текстам, полисемическая и омонимическая аттракция, а также олбанский язык, для которого игровая и коммуникативная функция равнозначны.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128.

2. Козлова М.С. Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвига Витгенштейна: Сб. ст. М., 1996. С. 5–24.

3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

5. Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения: Колл. моногр. / Ред. А.П. Сковородников. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2010. 341 с.

6. Рацибурская Л.В. Специфика языковой игры в современных деривационных процессах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». Вып. 1 (6). Н. Новгород, 2005. С. 122–204.

7. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламных текстов. М.: Флинта, 2009. 296 с.

8. Гридина Т.А. Детская речь как сфера лингвокреативной деятельности и лингвистика игры // Педагогическое образование и наука. 2004. № 6. С. 7–10.

9. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной художественной литературы: Монография. М.: Гнозис, 2009. 336 с.

10. Николина Н.А. Языковая игра в пьесах Е. Шварца // Русский язык в школе. 2016. № 10. С. 40–43.

11. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: Дис. … д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2002. 432 с.

12. Радченко М.В. Особенности словообразовательной игры в современных российских и хорватских средствах массовой информации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: В 15 т. Т. 8. СПб., 2015. С. 241–246.

13. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Колл. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М., 2015. С. 134–221.

14. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: Учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 2004. 124 с.

15. Соловьева Е. Языковая игра как тенденция в развитии современного литературного языка // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Тартуский ун-т, 2011. С. 198–204.

16. Крысин Л.П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 483–495.

17. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УралГПИ, 1996. 215 с.

18. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 6. М. – СПб.: Наука, 2006. 827 с.

19. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987 / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. СПб.: Дм. Буланин, 1996. 352 с.

20. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1990 / Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб.: Дм. Буланин, 2004. 674 с.

21. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 2014. Т. 2. 1392 с.

22. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.

23. Орлов В. Аптекарь: роман // Новый мир. 1988. № 7. С. 31–157.

24. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruscorpora.ru.

25. Лотман Ю.М. Письма: 1940–1993. М.: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.

26. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

27. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 1997. 904 с.

28. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Дм. Буланин, 1996. 381 с.

29. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1994 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. СПб.: Дм. Буланин, 2006. 398 с.

30. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985 / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.Ф. Денисенко. М.: Дм. Буланин, 1996. 351 с.

31. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8. М. – СПб.: Наука, 2007. 840 с.

32. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

33. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 79–100.

AGENTIVES IN A LANGUAGE GAME

Z.I. Mineeva

The article elaborates on neoderivatives applied for attributing people (agentives) that are used in a language (word formation) game. The study includes the data from dictionaries of new words of 1971–2014, the Russian National Corpus, and mass media texts. Our structural and semantic analysis of neologisms has identified the corpus of the units, whose pragmatics is related to language game. Word formation ways and derivation models have been identified that provide a pattern for forming the agentives involved in the game. Varieties of language game are identified. A conclusion is made that there is a *deep connection between* modern language game and riddles.

Keywords: agentive, neologism, language game, derivation type, pragmatics, Russian National Corpus.

References

1. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. M., 1985. S. 79–128.

2. Kozlova M.S. Ideya «yazykovyh igr» // Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshtejna: Sb. st. M., 1996. S. 5–24.

3. Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Shiryaev E.N. Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. M.: Nauka, 1981. 276 s.

4. Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 552 s.

5. Skovorodnikov A.P. Ob opredelenii ponyatiya «yazykovaya igra» // Igra kak priem tekstoporozhdeniya: Koll. monogr. / Red. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sibir. feder. un-t, 2010. 341 s.

6. Raciburskaya L.V. Specifika yazykovoj igry v sovremennyh derivacionnyh processah // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Filologiya». Vyp. 1 (6). N. Novgorod, 2005. S. 122–204.

7. Il'yasova S.V., Amiri L.P. Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamnyh tekstov. M.: Flinta, 2009. 296 s.

8. Gridina T.A. Detskaya rech' kak sfera lingvokreativnoj deyatel'nosti i lingvistika igry // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2004. № 6. S. 7–10.

9. Nikolina N.A. Aktivnye processy v yazyke sovremennoj hudozhestvennoj literatury: Monografiya. M.: Gnozis, 2009. 336 s.

10. Nikolina N.A. Yazykovaya igra v p'esah E. Shvarca // Russkij yazyk v shkole. 2016. № 10. S. 40–43.

11. Il'yasova S.V. Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennyh SMI: Dis. … d-ra filol. nauk. Rostov n/D, 2002. 432 s.

12. Radchenko M.V. Osobennosti slovoobrazovatel'noj igry v sovremennyh rossijskih i horvatskih sredstvah massovoj informacii // Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRYaL: V 15 t. T. 8. SPb., 2015. S. 241–246.

13. Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. Novye tendencii v sovremennom medijnom slovotvorchestve // Novye tendencii v russkom yazyke nachala XXI veka: Koll. monografiya / Pod red. L.V. Raciburskoj. M., 2015. S. 134–221.

14. Kurganova E.B. Igrovoj aspekt v sovremennom reklamnom tekste: Ucheb. posobie. Voronezh: VGU, 2004. 124 s.

15. Solov'eva E. Yazykovaya igra kak tendenciya v razvitii sovremennogo literaturnogo yazyka // Russkaya filologiya: Sbornik nauchnyh rabot molodyh filologov. Tartu: Tartuskij un-t, 2011. S. 198–204.

16. Krysin L.P. Rechevoj portret predstavitelya intelligencii // Sovremennyj russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya. M., 2003. S. 483–495.

17. Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Ekaterinburg: UralGPI, 1996. 215 s.

18. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / Gl. red. K.S. Gorbachevich. T. 6. M. – SPb.: Nauka, 2006. 827 s.

19. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 1987 / Pod red. N.Z. Kotelovoj i Yu.F. Denisenko. SPb.: Dm. Bulanin, 1996. 352 s.

20. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 1990 / Pod red. T.N. Bucevoj. SPb.: Dm. Bulanin, 2004. 674 s.

21. Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: V 3 t. / Pod red. T.N. Bucevoj, E.A. Levashova. SPb.: Dm. Bulanin, 2014. T. 2. 1392 s.

22. Novejshij bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, M.: RIPOL klassik, 2008. 1536 s.

23. Orlov V. Aptekar': roman // Novyj mir. 1988. № 7. S. 31–157.

24. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ruscorpora.ru.

25. Lotman Yu.M. Pis'ma: 1940–1993. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. 800 s.

26. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' / Otv. red. D.N. Shmelev. Izd. 4-e. M.: LIBROKOM, 2009. 224 s.

27. Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-h godov / Pod red. E.A. Levashova. SPb: Dm. Bulanin, 1997. 904 s.

28. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 1986 / Pod red. N.Z. Kotelovoj. M.: Dm. Bulanin, 1996. 381 s.

29. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 1994 / Pod red. Yu.F. Denisenko. SPb.: Dm. Bulanin, 2006. 398 s.

30. Novoe v russkoj leksike. Slovarnye materialy – 1985 / Pod red. N.Z. Kotelovoj i Yu.F. Denisenko. M.: Dm. Bulanin, 1996. 351 s.

31. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / Gl. red. K.S. Gorbachevich. T. 8. M. – SPb.: Nauka, 2007. 840 s.

32. Himik V.V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj rechi. SPb.: Norint, 2004. 762 s.

33. Krysin L.P. Social'naya markirovannost' yazykovyh edinic // Sovremennyj russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya. M., 2003. S. 79–100.